УДК 840

«НОРМАНДСКАЯ ХРОНИКА X ВЕКА» В КОНТЕКСТЕ РАННЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ФЛОБЕРА

© 2009 г.

Г.И. Модина

Дальневосточный госуниверситет

dorothea2@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.09.2008

Один из ранних литературных опытов Флобера «Нормандская хроника X века» рассматривается в контексте его исторических произведений 1830-х годов, что позволяет проследить становление художественного мастерства писателя.

Ключевые слова: Флобер, историческая новелла, история Франции, история Нормандии, Руан, Людовик IV, Дюма, Барант.

«Я безумно люблю историю. <…> Эта любовь – нечто совершенно новое для человечества. Чувство истории родилось в нас совсем недавно, и, пожалуй, это лучшее, что есть в XIX веке», – писал Флобер Гонкурам в 1860 году, работая над историческим романом «Саламбо» [1, с. 27].

Действительно, интерес к прошлому писатель хранил всю жизнь, все его произведения в той или иной мере отмечены историзмом. С историей был связан последний литературный замысел Флобера – роман «Битва при Фермопилах» [2, с. 706]. История стала основой его первых литературных опытов.

В 1831 году, 28 июля, в день святой Анны, девятилетний автор преподнес в подарок матери, Анне Жюстине Каролине Флобер, восемь страниц с заголовком «Людовик XIII». Страницы были аккуратно разлинованы карандашом, а буквы выведены тщательно, с наклоном и нажимом: «Людовику XIII едва исполнилось девять лет, и по воле Парламента регентшей стала Мария Медичи, его мать. Интриги и коварство царили при дворе. Сюлли, верный друг доброго короля Генриха IV, был изгнан. Мария Медичи приблизила к себе итальянца Кончини и его жену. Люине, любимец юного короля и личный враг королевы, решил устранить Кончини, получившего титул маршала д'Анкра, и для начала разбудил в дофине желание властвовать» [3, с. 3] – так начинался рассказ об убийстве маршала д'Анкра. Именно это событие стало центральным эпизодом сочинения, и маленький автор подчеркивает это подзаголовком «Падение маршала д'Анкра», помещенным после короткого вступления.

Прямыми источниками «Людовика XIII» были «История Франции» Анкетиля и «Универсальные биографии» Мишо [4, с. 105]. Однако юный писатель не просто переписывает чужие слова, но, основываясь на исторических источниках, пытается создать собственное повествование об убийстве Кончини, бывшего фактическим правителем Франции во время регентства Марии Медичи. И, несмотря на несовершенство стиля и композиции, произведение это, как заметила Клодина Гото-Мерш, нельзя назвать «совершенно детским» [5, XLIII]. Флобер избегает в нем разговорных оборотов и употребляет характерные для письменной речи формы простого прошедшего с включением настоящего исторического времени.

В феврале 1832 года он сообщает другу, Эрнесту Шевалье, о своем желании изобразить царствование трех французских королей: Генриха IV, Людовика XIII и Людовика XIV [6, с. 6]. Этот замысел остался неосуществленным.

В 1834 году Флобер увлеченно работал над романом «Изабелла Баварская» и драмой о вражде Фредегонды и Брунгильды – средневековых королев, судьба которых связана была с Руаном. Этот роман и пьеса, завершенная 23 июля 1835 года, утрачены, и, вероятно, навсегда. Но сохранились тексты исторических сочинений 1835–1836 годов, принадлежащие к разным жанрам и свидетельствующие об эволюции Флобера «от школяра к литератору» [7, с. 1225]. Это движение отразилось в определении жанровой принадлежности текстов самим автором.

Летом 1835 года Флобер выполняет задание своего учителя, профессора Руанского королевского коллежа Гурго-Дюгазона и занимается переложением известных произведений. В тетради, озаглавленной «Переложения и пересказы», рядом с пересказом новеллы Мериме «Маттео Фальконе» помещена «Последняя сцена смерти Маргариты Бургундской». В черно-

вой рукописи Флобер намечает сюжет, указывает на его связь с «Нельской башней» Дюма и подчеркивает, что смысл его текста не может быть понятен читателю, незнакомому с пьесой: «Сюжет: последняя сцена смерти Маргариты Бургундской. Это продолжение «Нельской башни», и его трудно понять тому, кто не знает этой драмы. Буридан является в Шато-Гайяр и душит Маргариту ее же косами. Прежде она была его любовницей» [8, с. 1222–1223].

Черновые наброски и план позволяют предполагать, что идея не предложена профессором, а принадлежит самому Флоберу. Обращение к этому сюжету определено не только увлечением книгами Дюма, но и тем, что изображаемое событие произошло в родной Флоберу Нормандии, в замке Шато-Гайяр. Юный писатель хорошо знал историю этой старинной крепости и не раз бывал там. Описанием Шато-Гайара открывается «Сцена»: «Руины Шато-Гайяра, они еще высятся над Сеной на скале и словно смеются над каждым поколением, что рождается и умирает. Семь прошедших столетий смогли отнять у замка лишь несколько камней, свергнутых в ров неистовой бурей и потоками ливней» [9, с. 34].

Далее Флобер представляет знакомый ему древний замок в 1316 году, когда Маргарита Бургундская была его пленницей: «Тогда замок был молод. Ветер волнами развевал белое знамя над донжоном, во дворе толпились стражи, в подземелье томилась узница, прощальным взглядом провожала она гаснущие отблески солнца, и были в этом взгляде и ярость, и безнадежность» [9, с. 34]. Эпизод казни пленницы Шато-Гайяра уже нельзя назвать переложением известного литературного сюжета, как это было с новеллой «Маттео Фальконе». Он представляет собой прозаическое дополнение к пьесе Александра Дюма и знаменует стремление автора к творческой свободе.

Теперь Флобер отказывается от переложений и обращается к новой форме. В 1836 году под заголовком «Исторические наброски» он объединяет два произведения: «Смерть герцога де Гиза» (сентябрь, 1835) и «Две руки на одной короне, или XV век. Эпизод царствования Карла VI» (январь, 1836).

К этому времени Флобер уже читал Шекспира, штудировал четырехтомную «Историю Шотландии» Вальтера Скотта и знал «Историю герцогов Бургундских» Жоржа Баранта. В письме к другу, Эрнесту Шевалье, Флобер называет книгу Баранта «настоящим шедевром истории и литературы» [6, с. 19]. И сам он в «Исторических набросках» следует Баранту, стремясь сочетать историю и литературу.

Композиция «Исторических набросков» в сравнении с переложениями более сложная: главам «Эпизода царствования Карла VI» предшествуют эпиграфы, взятые не только из литературных произведений («Нельская башня», «Тереза» Дюма и «Анжело, тиран Падуанский» Гюго), но также из «Хроники XV века» Фруассара и «Истории герцогов Бургундских» Баранта. Автор подчеркивает документальную основу своего повествования. После реплики де Гиза «Я вижу, что смерть лезет ко мне в окно, но не стану бежать от нее в дверь» он добавляет пометку: historique. Это слово он добавляет и после реплики короля: «Заключить Гиза в тюрьму – все равно что набросить на вепря тонкую сеть – он порвет ее» [10, с. 49–50].

В начале 1836 года Флобер ненадолго оставляет исторический жанр, обратившись к рассказам фантастическим («Невеста и могила», 1835) и психологическим («Знатная дама и шарманщик», «Благоухание, или Комедианты», 1836), а весной вновь возвращается к истории, но уже в новой для него форме: в мае 1836 года он пишет «Нормандскую хронику X века». В ней изображается один из эпизодов того времени, когда Нормандия была независимым от французской короны герцогством и Людовик IV Заморский (936–954) безуспешно попытался присоединить ее к своим владениям.

Источником флоберовского текста стала, вероятно, «История морских экспедиций норманнов и их расселения во Франции в X веке» Депиня, основанная на старинных нормандских хрониках. Эта книга, изданная в 1826 году в Париже, упомянута в описи библиотеки Флобера, составленной после смерти писателя.

В «Истории» Депиня говорится о том, что Людовик IV, прибывший в Руан в 952 году и принятый там с почетом, объявил о своем решении взять наследника нормандского престола Ричарда ко двору, с тем чтобы дать ему должное образование. Ричард, прозванный Бесстрашным (935–996), наследовал власть в возрасте семи лет после смерти его отца: герцог Гийом – Длинный меч был убит в 942 году Арнульдом, графом Фландрским по приказу Людовика IV.

Жители Руана, встревоженные судьбой юного герцога, взбунтовались. Тогда Людовик, лицемерно уверив их в своей непричастности к смерти Гийома и желании отомстить убийце, увез Ричарда в свою резиденцию – укрепленный город Лан.

Осмонд, воспитатель герцога, рассказывает Депинь, обеспокоенный тем, что по воле короля будет прерван род Ролона (деда Ричарда, викинга, отвоевавшего Нормандию у Карла Простоватого в 911 году), не нашел другого выхода, как обман. По его совету Ричард притворился больным. И во время дворцового праздника, в отсутствии стражей, переодетый конюхом Осмонд увез воспитанника из Лана, спрятав его в телеге с сеном [11, с. 1244].

«История» Депиня послужила лишь канвой для «Хроники» Флобера. Он ограничивается только руанским эпизодом и, вводя сцену прихода Осмонда к королю, объединяет события, произошедшие в Руане и Лане.

В «Смерти Маргариты Бургундской» и исторических набросках Флобер обращался только к трагическим эпизодам французской истории. Смысловым центром в них была смерть главного героя. «В Нормандской хронике X века» события принимают драматический, но не трагический оборот. Возможно, потому, что главным участником действия и в «Хронике» становится не обреченный на смерть человек, а родной Флоберу Руан, древняя столица Нормандии, долго сохранявшая свою независимость от французской короны.

«Хроника» открывается сценой встречи короля. Горожане Руана встречают его как почетного гостя: «В тот день, – я говорю о дне 28 августа 952 года, – звонили все колокола, и жители в праздничных одеждах были видны повсюду: на крышах, на чердаках, в окнах домов, на улицах. Толпы народа у дороги, ведущей в Париж, с радостными криками разбрасывали цветы. Король прибыл в город через ворота Бовуазин в восемь часов вечера. Ожидание длилось с утра. Тут же раздались топот, возгласы радости и вопли восторга. Даже из бойниц башен летели розы и лилии» [12, с. 117].

Флобер меняет возраст Ричарда, изображая его двенадцатилетним мальчиком, хотя в 952 году сыну герцога Гийома исполнилось семнадцать лет. И это отступление от исторической правды не случайно. В «Хронике» Ричард не просто наследник герцогства, но фигура символическая, «дитя города», олицетворение свободы Руана и Нормандии, и, защищая «божественного ребенка», нормандцы защищают свою независимость. Флобер подчеркивает неразрывную связь мальчика и древнего города сравнением: «Наступила полночь, и Ричард мирно уснул в покоях Людовика. <…> Скоро все погрузилось в молчание, и сон Руана был спокойным и счастливым, как сон мальчика с прекрасными светлыми локонами, рассыпавшимися по изголовью» [12, с. 118].

Изменив возраст Ричарда, Флобер придает событиям больший драматизм: не юный воин, способный защитить себя, но доверчивый и кроткий ребенок становится пленником убийцы его отца – герцога Гийома.

И далее Флобер вольно обращается с историческими фактами: Людовик намеревается убить Ричарда и не скрывает этого от Осмонда – старого наставника герцога. Но спасает мальчика не Осмонд, а восставший Руан. Горожане «с криками, свистом, угрозами и свирепым огнем в глазах» окружают ратушу, угрожая ворваться в нее, если не покажется король. Те же люди, что вчера «с цветами и возгласами радости приветствовали Людовика, сегодня топали ногами от нетерпения и ярости, словно безумцы, громко требовали короля, и тысячи рук поднимали в воздух пики, топоры, алебарды, кинжалы, копья и сжатые кулаки» [12, с. 121].

Море людское «двигалось по узким улицам Руана и, как волны в бурю, вздымалось у ратуши» [12, с. 121]. Смертельно испуганный король вынужден был освободить юного герцога, и ярость горожан тут же сменилась ликованием: «Оружие было брошено. «Слава! Слава! Да здравствует король! Да здравствует герцог!» – ликовал народ. И это необъятное приветствие, прокатившись по улицам города, эхом отозвалось во всех сердцах» [12, с. 121].

В «Нормандской хронике», как и в более ранних текстах, автор стремится изобразить яркие эмоциональные состояния героев. Но если персонажи предшествующих исторических опытов испытывают только страх, ненависть, гнев или ярость, то герои «Нормандской хроники» переживают состояния умиротворенности, покоя, а также переходы от покоя к гневу, от страха к надежде.

Флобера занимает не только душевное состояние индивида, как это было раньше, но и психология массы. Его интересуют контрастные перемены в настроении толпы: бурная радость горожан Руана, приветствующих короля, ярость, с которой те же люди штурмуют ратушу, чтобы спасти Ричарда, и вновь восторг при известии о том, что наследник герцогства Нормандского жив.

В наброске «Две руки на одной короне» он уже описывал толпу горожан, встречающих короля: «Действительно, во всей этой радостно взволнованной кричащей толпе, в этом кортеже, столь пышном и великолепном, в благородной королевской чете, в топоте конских копыт, высекающих искры из усыпанной цветами мостовой, во всем этом было нечто грандиозное и

величественное, непостижимое и изысканное» [13, с. 55].

Этот фрагмент сходен с одним из эпизодов «Нормандской хроники»: «Народ от радости прыгал, скакал, плясал, руки моряков, покрытые татуировками, бросали в воздух венки, и те падали, ударившись о шлем монарха. Не правда ли, что во всех этих людях, вознесшихся на каждую статую, каждый щипец крыши, каждый выступ церкви, занявших все улицы и высокие стены, во всей этой безграничной массе, благословляющей одного человека, было что-то величественное и торжественное?» [12, с. 118].

Если в первом случае и кортеж короля, и толпа парижан составляют единую картину, вызывающую восхищение автора, то в «Нормандской хронике» величественной и торжественной оказывается не королевская процессия, а толпа руанских горожан.

В сравнении с историческими набросками психологический рисунок в «Нормандской хронике» становится более тонким и лаконичным. Так, страх Шарлотты де Бон («Смерть герцога Гиза») Флобер передает внешними деталями, причем некоторые из них дублируют друг друга: «Вошла молодая женщина, зубы ее стучали, волосы рассыпались в беспорядке, глаза горели, губы дрожали и мертвенная бледность покрывала лицо» [10, с. 49].

Изображая подобное состояние в «Нормандской хронике», он избегает повторов и отбирает детали более тщательно: «Вошел Арнульд, бледный и растерянный, с окровавленным лицом» [12, с. 121].

Лаконичен и выразителен портрет Ричарда: «Юный Ричард, сын герцога Гийома, убитого во Фландрии, выехал навстречу королю. Ему исполнилось двенадцать лет. Это был красивый светловолосый мальчик, бледный, с кротким взглядом. Однако он ловко сидел на своей черной кобыле и крепко держал в руке длинный обнаженный меч, склонив его перед королем, как подданный и вассал» [12, с. 117].

Изображая смертельный страх Людовика, Флобер впервые обращается к деталям косвенным: «Безудержный вой толпы проникал сквозь стены, и король знал, так кричат в тот самый миг, когда голова осужденного должна вот-вот скатиться на эшафот» [12, с. 121].

Строже становится стиль. Достаточно сравнить два почти тождественных по содержанию фрагмента, расположенные в начале «Последней сцены смерти Маргариты Бургундской» и «Нормандской хроники».

«Знаете ли вы Нормандию, прекрасную страну, где так много древних замков, каждый из которых будит воспоминания о знаменитых именах? Нормандию, где так много древних легенд, волшебных сказок, народных преданий, связанных с событиями нашей средневековой истории?» [9, с. 34] – этими словами открывается «Последняя сцена смерти Маргариты Бургундской».

«Нормандскую хронику» Флобер начинает теми же словами: «Знаете ли вы Нормандию, древнюю землю классического средневековья, где каждое поле помнит свою битву, каждый камень знает свое имя, а каждый обломок хранит свои воспоминания?

Можете ли вы представить себе Руан, столицу Нормандии, во времена штурмов, войн, голода, в те времена, когда рыцари сражались у стен города и подковы коней высекали искры из мощеных камнем набережных, еще горячих от крови англичан?» [12, с. 117].

И в первом, и во втором случаях автор заботится о ритмической организации текста, но в «Хронике» он отказывается от бинарного ритма, анафор и лексических повторов, прибегая к более сложному способу создания ритма – тройным повторам грамматических конструкций.

«Нормандская хроника» стала исключительным явлением не только среди ранних, но и среди зрелых произведений Флобера. Это единственный его исторический текст, события в котором не имеют трагического исхода, и единственный, где главным героем является не индивид, но горожане средневекового Руана и сам город. И, наконец, именно «Нормандская хроника» стала своеобразным рубежом между «ученическими» историческими сочинениями и выходящими за рамки школьных упражнений произведениями, созданными в конце 1836 года: «Секрет Филиппа Осторожного» и «Чума во Флоренции». Сам Флобер называет их историческими новеллами, но первой его исторической новеллой все же стала «Нормандская хроника».

Список литературы

1. Flaubert G. Correspondance. T. III. (janvier 1859-décembre 1868) / édition établie, présentée et annotée par Jean Bruneau. Paris : Gallimard, Bibliothèque de La Pléiade, 1991. 1727 p.

2. Flaubert Gustave. Correspondance. T. IV (janvier 1869-décembre 1875) / édition établie, présentée et annotée par Jean Bruneau. Paris : Gallimard, Bibliothèque de La Pléiade, 1998. 1484 p.

3. Flaubert G. Louis XIII // Gustave Flaubert. Œuvres complètes. T. I, Œuvres de jeunesse / édition présentée, établie et annotée par Claudine Gothot-Mersch et Guy Sagnes. Paris: Gallimard, 2001. P. 3–5.

4. Bruneau J. Les Débuts littéraires de Gustave Flaubert (1831–1845). Paris : Armand Colin, 1962. 637 p.

5. Gothot-Mersch. Introduction // Flaubert Gustave. Œuvres complètes. I, Œuvres de jeunesse / édition présentée, établie et annotée par Claudine Gothot-Mersch et Guy Sagnes. Paris: Gallimard, 2001. P. XXXVII-LXVI.

6. Flaubert Gustave. Correspondance. T. I (janvier 1830 à juin 1851) / édition établie, présentée et annotée par Jean Bruneau. Paris : Gallimard, Bibliothèque de La Pléiade, 1973. 1183 p.

7. Sagne Guy. Opuscule Historiques. Notes // Flaubert Gustave. Œuvres complètes. T. I, Œuvres de jeunesse / édition présentée, établie et annotée par Claudine Gothot-Mersch et Guy Sagnes. Paris: Gallimard, 2001. P. 1225–1230.

8. Sagne Guy. Narrations et discours. Notes // Flaubert Gustave. Œuvres complètes. T. I, Œuvres de jeunesse / édition présentée, établie et annotée par Claudine Gothot-Mersch et Guy Sagnes. Paris: Gallimard, 2001. P. 1218–1224.

9. Flaubert G. Dernière scène de la mort de Marguerite de Bourgogne // Flaubert Gustave. Œuvres complètes. T.I, Œuvres de jeunesse / édition présentée, établie et annotée par Claudine Gothot-Mersch et Guy Sagnes. Paris: Gallimard, 2001. P. 34–37.

10. Flaubert G. Mort du duc du Guise // Flaubert Gustave. Œuvres complètes. I, Œuvres de jeunesse / édition présentée, établie et annotée par Claudine Gothot-Mersch et Guy Sagnes. Paris: Gallimard, 2001. P. 47–58.

11. Sagne Guy.Chronique Normande du X-e siècle. Notes // Flaubert Gustave. Œuvres complètes. I, Œuvres de jeunesse / édition présentée, établie et annotée par Claudine Gothot-Mersch et Guy Sagnes. Paris: Gallimard, 2001. P. 1243–1245.

12. Flaubert G. Chronique Normande du X-e siècle // Flaubert Gustave. Œuvres complètes. I, Œuvres de jeunesse / édition présentée, établie et annotée par Claudine Gothot-Mersch et Guy Sagnes. Paris: Gallimard, 2001. P. 117–122.

13. Flaubert G. Deux mains sur une couronne // Flaubert Gustave. Œuvres complètes. I, Œuvres de jeunesse / édition présentée, établie et annotée par Claudine Gothot-Mersch et Guy Sagnes. Paris: Gallimard, 2001. P. 53–64.

«CHRONIQUE NORMANDE DU X-E SIECLE» IN THE CONTEXT OF FLAUBERT'S EARLY HISTORICAL PROSE

G.I. Modina

The article deals with Chronique Normande du X-e siècle, one of the early literary experiences of Flaubert. The story is analysed in the context of Flaubert's early historical prose as the problem of developing the writer's artistic technique.